

Путевые картинки

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. Том 3. М.: Худ. литература, 1971. С. 86 - 96.

I

От Киева до Ростова-на-Дону

Не прошло еще и полутора суток, а уже перед моими глазами промелькнули в вагонном окне четыре замечательнейшие губернии русского юга: Киевская, Херсонская, Екатеринославская и Земля Войска Донского. Сначала прошли, точно в панораме, уютные и грациозные уголки благословенной Украины: мазаные, беленькие хатенки, окруженные плетнем и тонущие в зелени "садков", традиционная "криница" дорюриковской архитектуры и возле нее традиционная дивчина в запаске и плахте, с коромыслом на левом плече и с правой рукой, художественно упирающейся в бок; вынырнет иногда из-за дальних холмов зеленая острая крыша деревенской колокольни и, убегая назад, уже прячется за синей, туманной, чуть приметной полоской леса; порою особенно громко застучит поезд, пробегая по мосту и под ногами у тебя, глубоко внизу, блеснет узкая извилистая речонка, вся такая чистенькая и кокетливая в зеленых, свежих, опрятных берегах; у переезда пара серых круторогих волов в деревянном ярме равнодушно провожает своими прекрасными темными влажными глазами несущееся мимо них огненное чудовище.

Утром после кошмарной, почти бессонной ночи, проведенной в грязном, насквозь прокуренном и заплеванном вагоне, выходишь с тяжелой, как свинец, головой на платформу и распахиваешь дверцу. Что за наслаждение! И справа и слева густой, сплошной лиственный лесок. Внизу у его корней еще таятся сырые, холодные ночные тени, а верхушки, обласканные ранним солнцем, уже засверкали яркой праздничной пестротой осенних красок. Светло-лимонные листья берез, пронизанные солнечными лучами, блестят, как золото, осины стоят совсем пурпурные, один крепкий устойчивый дуб не хочет менять своей темной, твердой, точно из металла вырезанной зелени. А дальше -- море нежных, неуловимых оттенков, от розовых до кроваво-красных и пунцовых, от фиолетовых и лиловых до коричнево-бурых. Стоишь и не надышишься утренним воздухом осеннего леса -- крепким, тонким и опьяняющим, как аромат старого драгоценного вина.

Кончился лес -- опять идут поля. То и дело попадаются навстречу свекловичные плантации -- большие зеленые заплатки на желтом фоне сжатых хлебов. На них копошатся разбросанные там и сям пестрые кучки людей, прильнувших к земле. А вот и высокая, закопченная сверху труба сахарного завода выплывает из-за горизонта. .. За Знаменкой -- дорога гораздо скучнее. Начинается степь -- Херсонщина, и чем дальше, тем она все ровнее и безжизненнее. Смотришь в окно, и прямо тоска берет. Гладкая серая скатерть выжженных солнцем полей, и над ней опрокинулось такое же гладкое, безоблачное, мутное от зноя небо, на котором редко-редко увидишь черный силуэт ветряка, растопырившего свои крылья, да задумчивый могильный курган. И весь этот громадный, тяжелый пейзаж медленно вращается навстречу бегущему поезду.

К вечеру местность понемногу меняется. Мы вступаем в область железных руд и каменноугольных залежей, в страну бельгийских анонимных предприятий, чудовищных appetitov и бешеного заводского delirium tremens'a [белая горячка - лат.]. Опаленная до корней трава отливает на низинах зловещим красноватым цветом; между крутобокими холмами и склонами врезались глубокие, узкие балки, мелкая густая пыль висит в воздухе, врываясь в вагон и забираясь в книгу, в подушку, в чай и в рот. Навстречу нам ползут длинные товарные поезда, с открытыми платформами, нагруженными красной, точно ржавой комковатой рудой. То и дело на станциях входят в наш вагон и выходят из него бельгийские мастера. В этом крае они, по-видимому, чувствуют себя, как во втором отечестве; с непринужденной простотой разваливаются на диванах, кладут ноги вам на колени и курят из трубок отвратительный табак.

Вот перед нами проносится знаменитое Криворожье. Декорация -- прямо из "Роберта Дьявола". Так и кажется, что подземные силы в страшной демонической ярости всколебали здесь почву и,